

Навстречу

Семен Грила

Лаврик

*Проблема этого мира в том,
что глупцы и фанатики слишком уверены в себе,
а умные люди полны сомнений.*

Бертран Рассел

Вступление

Память – перегной души. Встреча молодого и старого – это встреча прошедшего ужаса и ужаса еще только наступающего.

Лаврик думал постоянно о смерти. На это все наталкивало. Особенно лицезрение старости. А она теперь попадалась везде. Даже кинозвезды говорят теперь о смерти. Даже Киану Ривз признался, что думает об этом постоянно.

Они все постарели. Лаврик не хотел стареть. Он, возможно, был не против умереть, но стареть... Ему становилось грустно. Тоска начинала подступать в область эпигастрия. Печаль брала свое. Все придуманные Лавриком боли болели вместе. Такой он был, этот Лаврик.

Нет, все не так

Лаврик был прыщавый подросток, каким и должен быть подросток. Он находил свое тело нелепым, оно все время менялось, и он не успевал привыкать, стеснялся и становился от этого еще нелепее.

Будучи созданием с воображением, он поощрял в себе раздвоение личности и выращивал мужика сорока лет, отвратительного плейбоя, работающего в сфере развлечений. То букмекером на футбольных ставках, то менеджером будущих теннисных звезд.

Лаврик круглые сутки сидел в Сети и наслаждался своей второй личностью, накачивая ее подробными знаниями по предмету, извлекая их из групповых чатов и тематических сайтов. Он также использовал семейные путешествия для получения новых образов. Магазины, выставки, матчи, другие города и страны – все шло потоком в копилку и затем на подпитку Френка.

Френк – так звали эту вторую, другую личность.

Отец

С отцом Лаврику было очень трудно. Он не мог до конца понять, почему, но тяготился, а когда того не оказывалось долго рядом – грустил. Пойми этих подростков.

Гормональные взрывы сведут с ума кого угодно. Так думал отец, глядя на Лаврика, и все ему прощал. Да и прощать было особенно нечего. Он сам себя не знает, думал отец. Один этот Френк чего стоит.

Это он когда-то в детстве подкинул Лаврику игру самому с собой. Когда грустно или одиноко и хочется согреть душу. И теперь

видел, что это зашло далеко. Он не вмешивался. Он про себя-то ничего не понимал, не то что про другого. Про ребенка тем более.

И чем дальше Лаврик сторонился, тем больше росла тревога.

Пережной

Лаврик научился игнорировать через сарказм и иронию. Он видел, как проявляется в нем генотип, и не боролся. Игнорировал отцовские привычки, реплики. Старался сознательно не увлекаться увлечениями отца. Вместе с тем смягчал через это самое неприятие.

Объяснять себе легче без вовлечения себя, говорил ему Френк. А он был умный, сукин сын. Именно такой партнер и нужен был Лаврику на пути.

Так думал Лаврик, так думал Френк, так думал отец.

Подруга Френка

Ее изобрела однокурсница Лаврика по колледжу прикладных наук – некая Эмма. Она была румынкой, а в этой Трансильвании всякие чудеса творились. Все поголовно были сказочниками, или Лаврику так казалось.

Однажды он рассказал Эмме про Френка, и она сказала, что и в ее голове есть нечто подобное. Но говорить не хотела об этом, а все выспрашивала про Френка. На самом деле Лаврик считал, что Эмма просто копирует. Хочет казаться более привлекательной – и добавляет загадочности. А может, просто дразнит его.

Давай их познакомим, сказала Эмма. И он сказал: давай. Он практически не умел отказывать людям, поэтому ему требовался простор для придумывания оправданий отказа. И в этот раз он переложил все на Френка.

Они встретились и стали общаться. Ребята завели им аккаунты, чтобы они сами как-то себя занимали без них. Шизофрения, скажете вы. Обычные юношеские фантазии, отвечу я.

А шизофрения – это когда к делу активно подключаются взрослые. Со своими правилами, а главное – фобиями и детскими комплексами, волочащимися за ними всю жизнь как гири. Вот и гири наконец-то выстрелили. Видите, как мы заштампованы? Ну ладно, не о нас речь.

Учеба

Лаврик учился плохо, а преподаватели говорили, что потенциал есть. Не собран, не мотивирован, не трудится. Да все это знали, и дома тоже. Очевидно, похождения с Френком интересовали его больше. Они отвлекали от насущного бытия, этого скучного, нелепого времяпрепровождения. Он не в силах был заставить себя написать домашку, хотя все понимал и мог.

Ну, кроме математики. Ее, по его мнению, вообще надо было бы отменить. Никакого проку разумному человеку. В уме считать он не мог, но калькулятор был в любом телефоне. Таблица умножения тоже была не нужна. В общем, потребности в практической математике закрывали гаджеты, а остальное – это как с плоской Землей. Зачем нам знать, что это не так? Какой практический смысл?

Переписка

Отец переписывался с Френком и Розой (ну а как еще могли звать девушку Эммы). Они звали его папой, а он не считал их двойниками. Он считал их самостоятельными личностями и вел себя с ними соответственно.

Демонстрировал им свое «я», обсуждал с ними Сартра. Почему? Никому из них это было непонятно: может быть, назло Камю. Ибо нелепость бытия была доведена у всех троих до истинного абсурда.

Они делились с ним новостями об учителях и происшествиях на вечеринках, он жаловался им, как смешно быть взрослым, когда ты совсем не взрослый. Ну, вы понимаете, друзья, говорил он, это не кокетство, а факты.

Наша истеричка – идиотка, говорила Роза. Френк пересказывал разговоры с Лавриком о школе. Скучища, – цитировал Френк Лаврика и переходил к вечеринке в Монте-Карло, когда он поперся в казино и проиграл там все что было. Жаловался, что так невозможно жить.

Папа сочувственно молчал, в душе радуясь, что Френк – не Лаврик. По крайней мере, не в этот раз.

Путешествия

Однажды Френк уговорил Розу поехать с ним в Париж. Ну, он начитался тогда Хемингуэя, а у того – один Париж, пока колокола не зазвонили. Он водил ее в Лувр (а как иначе) и на Монмартр (разумеется). Они гуляли по набережным и Елисейским Полям. В общем, все, как написано.

Потом они летали с Незнайкой на Луну и почти договорились отправиться к месту затопления «Титаника», но тут какие-то суеверия включились.

Розу стало колбасить. Они поругались, Френк отступил и пошел играть в карты с шулерами в какой-то лондонский притон. Он любил притоны, разгулы, он был гением расслабления. Уж ах какой он был вертопрах, этот Френк. Чудо.

Эмма

Потом, много месяцев спустя, Эмма слила все их переписки в школьный чат, был скандал, долго выясняли, кто такие Френк и Роза и, разумеется, папа. Эмма помогла и с этим. Родители подростков долго ругались, колледж настоял на психологическом освидетельствовании. Все оказались здоровы. Хотя Юнг когда-то говорил другое. Гений, что с него возьмешь.

Потом пришлось переводить Лаврика в другую школу. А родители Эммы уговорили директора оставить ее. Ее и оставили.

Френк и Роза больше не общались между собой. И с папой тоже.

Эпилог

Лаврик и Френк пошли служить в армию. Обязательный долг. Отец решил больше не заниматься с аватарами, Эмма стала разрабатывать дополнительные личности нуждающимся подросткам, процветает в инстаграме и где-то еще.

А я пробиваюсь из мира фантазий в реальный уже много лет и все больше спрашиваю себя: а надо ли мне это «я»?